

РЕЦЕНЗИИ

АВЕРЬЯНОВ А.В. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ДОНУ, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1920–1930-е гг. Ростов-на-Дону – Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. 308 с.

AVERYANOV A.V. NATIONAL POLICY ON THE DON, KUBAN AND STAVROPOL REGION IN THE 1920 s–1930 s. Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal University Publ., 2020. 308 p.

В 2020 г. в издательстве Южного федерального университета вышла монография А.В. Аверьянова «Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.». Национальная политика играла и играет важную роль в жизни любого государства. Особого внимания в этом отношении заслуживает Юг России.

Автор взял объектом своего исследования Доно-Кубано-Ставропольский регион. Дон, Кубань и Ставрополье – исторические области, в целом соответствующие современным административным границам Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краёв, представляют собой уникальный исторический макрорегион. Его объединяющие части разнятся по своей этнической составляющей, но соединены схожестью хозяйственной базы и отчасти историческим прошлым. Регион находится на стыке Северного Кавказа, Украины, Поволжья и Центральной России и долгое время был форпостом и фронтиром Российского государства на южном направлении, где важную роль играло казачество как уникальная этносоциальная общность, вобравшая в себя культурные элементы окружающих ее народов. В комплексе эта территория все еще мало изучена.

В монографии не затрагиваются северокавказские национальные автономии, где национальные проблемы были более четко обозначены. Но и на исследуемых А.В. Аверьяновым территориях сложностей хватало.

В контексте национальных проблем Дона, Кубани и Ставрополья автор рассматривает такие важные вопросы, как национальное строительство и такой неоднозначный процесс, как «коренизация». Разбирается с эволюцией терминов «национальные меньшинства» и «националы». Вводная часть монографии во многом посвящается работе с терминологией.

Там же, во введении, автор выделяет три этапа национальной политики в регионе:

1) 1920–1928 гг. В это время происходит самоопределение народов в форме низовых административно-территориальных единиц – национальных районов и сельских советов. К этому периоду относится расцвет политики коренизации.

2) 1928–1937 гг. – переходный этап, когда проходит коллективизация, и перспективы коренизации и административно-территориального устройства дисперсных этносов ставятся в прямую зависимость от текущих хозяйственных задач.

3) 1937 г. – рубеж 1930–1940-х гг. Идет свертывание политики коренизации и нациостроительства, ликвидируются национальные районы и сельсоветы.

Здесь же приводится массив документов по изменениям в административной структуре региона – губернии, Юго-Восточная область, Северо-Кавказский край... «Несмотря на то, что территория Дона, Кубани и Ставрополья входила в различные административно-территориальные образования, она сохранила внутреннее единство и схожую этносоциальную, культурную и экономическую структуру», – подчеркивает автор [1, с. 15].

Первая глава монографии «Историография, источники и теоретико-методологические подходы к изучению национальной политики на Юге России в 20–30-е гг.» делится на параграфы.

В первом – «Основные этапы и современные тенденции изучения национальной политики Советского государства» – оценивается ситуация в историографии региона и делится процесс изучения также на три этапа. Отмечается, что на первом этапе – 1920-е – середина 1950-х гг. – большинство работ носило публицистический характер, и главное внимание уделялось проблемам Северного Кавказа. Что касается второго этапа – середина 1950-х – стык 1980–1990-х, то здесь «красной нитью» проходит мысль, что национальный вопрос в СССР решен полностью и окончательно. Большое внимание уделяется роли партии, сюжетам «дружбы народов». Третий этап, который тянется до настоящего времени, по мнению автора, отмечается критическим взглядом на национальные проблемы; много внимания уделяется теории и методологии, теории этноса, нации, национализма. Рассматривается также концепция российской нации и возникшему в 2000-е гг. «русскому вопросу». Что касается исследований по заявленной теме, то, по мнению автора, обобщающие работы, посвященные анализу государственной национальной политики в отношении национальных меньшинств, проживавших за пределами национальных автономий, отсутствуют. Это, собственно, и подвигло его на написание данной монографии.

Второй параграф главы называется «Источники по истории национальной политики на Юге России: перспективы использования». В нем автор довольно детально рассматривает материалы восьми архивов. Из них шесть краевых и областных и два федеральных. Проанализированы многочис-

ленные указы верховной власти, нормативные документы. Хорошо представлены документы, исходящие от региональных органов власти.

В третьем параграфе главы – «Методы и подходы к изучению советской национальной политики в 1920–1930-е гг.» – описывается комплекс общенаучных и специально-исторических принципов, которыми автор руководствовался при написании монографии. Используется опыт мэтров исторической науки с их теорией колонизации, привлекаются мнения современных последователей этой теории. Естественно, А.В. Аверьянов не мог обойтись без более поздней (современной) теории модернизации. Приведены наработки по теории локальных цивилизаций. Интересно мнение В.В. Черноуса «о северокавказской субцивилизации советской цивилизационной системы» [1, с. 75]. Автор использует междисциплинарный подход. В конце параграфа он делает замечание, что «ни один из указанных научных методов и подходов не является доминирующим» [1, с. 78].

Вторая глава монографии называется «Политика административно-территориального устройства национальных меньшинств в контексте этнодемографических процессов на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.». Первый параграф посвящен динамике численности и характеру расселения этносов на Дону, Кубани и Ставрополье. Объектом исследования здесь становятся представители этносов, которые жили в русских округах Северо-Кавказского края и не имели своей автономии в регионе. Проанализированы динамика численности и характер расселения этносов в регионе. Самыми крупными диаспорами стали украинцы, армяне, немцы, евреи, греки, белорусы. Автором уделено внимание развитию всех этих и более мелких этносов, их религиозным особенностям, истории их выживания в годы потрясений и гражданской войны. Исследуются пережившие турецкий геноцид и бежавшие на российскую территорию армяне и греки, изучаются туркмены, ногайцы, калмыки. Обсуждаются проблемы горских народов на территории русских округов. Сравняется жизнь «коренных» евреев и евреев, переселившихся в регион (горских евреев). Представлены поляки, чехи, эстонцы, латыши и малые диаспоры восточных народов, бежавшие от ужасов Первой мировой войны, грузины, персы, ассирийцы.

Параграф второй – «Особенности этномиграционных процессов и государственная переселенческая политика» – показывает внешне противоречивые процессы, как представители одних народов (немцы и греки) бежали из региона и даже из страны в Европу, а туркмены и калмыки старались выбраться из региона в противоположном направлении. В то же время с севера накатывались новые волны переселенцев, которые мечтали осесть на Кубани, но Переселенческое управление понуждало их селиться в восточных степных районах Дона и на Ставрополье. Шли самовольные захваты земли. Власть сгоняла переселенцев в коммуны и совхозы. Между русскими и финнами вспыхивала такая вражда, что их невозможно было держать в одном колхозе.

В третьем параграфе – «Национальные районы и сельсоветы как основная форма административно-территориального устройства дисперсных этносов» – сообщается как национальный вопрос решался созданием «мини-автономий» – национальных районов и еще более мелких сельских советов. Формирование их увязывали с земельным вопросом. Однако долго они не просуществовали. В 1938 г. их стали сворачивать и пересматривать границы.

В третьей главе «Коренизация советского и партийного аппарата в дисперсной этнической среде на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.». Автор исследует причины и ход политики коренизации, ее необходимость в иноязычной среде. Рассматривается коренизация партийных и советских органов. В двух параграфах главы обсуждаются проблемы советского строительства и партийно-комсомольского строительства в этнической среде в условиях проведения коренизации. Указывается, что наиболее сложными для проведения коренизации были национальные районы. А.В. Аверьянов поднимает вопросы воспитания советского беспартийного актива, повышения роли бедняцких и середняцких масс с началом коллективизации, а также механизмы переброски кадров из района в район.

В четвертой главе раскрываются задачи культурного строительства в регионе в это же время. В первом параграфе сообщается об образовательной политике в период нэпа, о формировании сложной бюрократической системы руководства образовательным процессом, о постоянной нехватке средств, о вынужденном введении оплаты за обучение, о низкой квалификации учителей и о постоянной борьбе школы и церкви. Автор описывает, как учащиеся подвергались идеологической обработке, что вскоре стало нормой, не вызывающей удивления. Затрагиваются вопросы ликвидации неграмотности, поскольку у ряда этносов уровень грамотности был предельно низок. А.В. Аверьянов отмечает, как встала проблема – на каком языке ликвидировать неграмотность. Невозможность обучать детей на родном языке приводила к эмиграции определенной части населения. Второй параграф главы показывает, как изменилась культурно-образовательная и социальная политика в период коллективизации. Государство стало давать больше денег на образование, но обучение на национальных языках стало сворачиваться.

В «Заключении» автор подтверждает свои выводы по периодизации процессов национальной политики государства. Он указывает на уникальность сложившихся в русских районах этнических групп.

С чем хотелось бы поспорить? Расцвет политики коренизации автор относит к 1920–1928 гг. Однако в реальности Северо-Кавказский крайисполком разработал и утвердил план коренизации всех национальных областей края в марте 1929 г. План предусматривал коренизацию советского аппарата в три года, с 1929 г. по 1931 г. включительно, и коренизацию культурно-просветительных учреждений в течение пяти лет, с 1929 г. по 1933 г. включительно [2, л. 72].

Что касается упущений, то их немного. Процесс проведения национальной политики в регионе был бы ярче показан, если бы автор соотнес его с переломом во внутренней и национальной политике в СССР в 1933–1934 гг., когда в УК СССР ввели статью «Измена Родине», а бойцов Красной армии стали поднимать в атаки с призывом «За Родину!», отказавшись от недавнего призыва «За мировую революцию».

В целом же монография А.В. Аверьянова раскрывает важную и интересную страницу истории Юга России и может послужить важным научным подспорьем для студентов и преподавателей вузов.

Литература

1. *Аверьянов А.В.* Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов-на-Дону – Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. 308 с.
2. *Государственный архив Ростовской области (ГАРО).* Ф.Р – 1185. Оп. 2. Д. 498.

*Д.и.н. А.В. Венков,
ФГБУН «Федеральный
исследовательский центр
Южный научный центр
Российской академии наук»
(ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону*

БЕРДИНСКИХ В. РУСЬ КРЕСТЬЯНСКАЯ. ЗРИМЫЙ МИР РУССКОЙ ДЕРЕВНИ. М.: Ломоносовъ, 2020. 264 с. (Серия «История. География. Этнография»).

BERDINSKIKH V. PEASANT RUSSIA. THE VISIBLE WORLD OF THE RUSSIAN VILLAGE. Moscow: Lomonosov, 2020. 264 p. (Series "History. Geography. Ethnography").

Историческая наука конца XX – начала XXI в. в определенном смысле отказалась от своеобразного «культа факта» и во многом пересмотрела свой объект исследования. Теперь нередко им является человек во всех его проявлениях. Одним из «новых направлений» исторической науки, возникшим на исходе XX столетия стала устная история. И этому есть свое объяснение. Оказалось, что без устной истории сложно, практически невозможно изучать как повседневность только что ушедшего столетия, так и ментальность уже далекого европейского Средневековья. Сегодня Oral History уже не просто модное направление, но быстро развивающаяся отрасль исторических исследований. Именно она определила формирование интереса к теме «человек в истории», заставила историков обратиться к окружающему их обществу. В конечном итоге на основе принципиально новых проблем и тем Oral History утвердилась в собственном субъекте исторических исследований – человек, как на нижних, так и на верхних ступенях общества. Предметным же полем устной истории стала повседневная жизнь обычного человека, его ощущения, мировосприятие, оценки, эмоции, жизненный опыт, судьба и место «маленького человека» в историческом процессе. Такой подход позволяет рассматривать течение истории как взаимообусловленный процесс, когда исследователь учитывает и влияние исторических событий, и процессов на человека, и влияние самого человека с его оценками, суждениями, установками, на ход и форму событий и процессов.

Дальнейшее развитие устной истории привело к тому, что в настоящий момент уже не просто сформулирована проблематика устной истории, но и ведется разработка исследовательского инструментария, заложен базис для институализации этого направления, созданы собственные исследовательские и учебные центры, журналы.

Что касается отечественной исторической науки, то проблема устной истории была озвучена в ней в перестроечные годы, в конце 1980-х гг. И во многом этот интерес был связан с тем обстоятельством, что эта проблематика уже получила развитие в зарубежной историографии. Гораздо позднее появление данной тематики в российской историографии определило и значительное отставание в этом плане от зарубежных коллег.

В итоге даже в 1990-е гг. устная история воспринималась как нечто новое, революционное, уход от «мертвечины» традиционной науки, поворот к человеку [1; с. 25–27].

Между тем, применение методов устной истории необычайно важно для современного российского общества. Ведь такой подход позволяет исследователям не только воссоздать непарадную

версию исторических событий, но и осмыслить собственную историческую память.

Во многом это становится возможным благодаря определенному сходству исторической памяти и устной истории, обусловленному общностью основного объекта исследования — ментальности человека.

В начале XXI в. устная история представляется одним из самых перспективных направлений исторической науки в нашей стране. Это определяется некоторыми фундаментальными обстоятельствами, которые самым решительным образом изменили российскую историческую науку на рубеже столетий. Среди них в первую очередь надо назвать изменение социально-политического контекста ее функционирования, освобождение от стеснявших идеологических и методологических ограничений. Нельзя не учитывать и пришедший в российскую гуманитарную науку «антропологический поворот», открывший новые возможности историко-психологического и историко-антропологического исследования.

Сегодня в различных регионах России, в университетских и иных научных центрах возникли и функционируют десятки проектов по устной истории самого разного содержания. И это можно понять, ведь устные источники дают возможность сохранить уникальную информацию, которую вряд ли можно получить иным образом. Ведь письменные источники, имеющие в основном официальное происхождение, обычно отражают историю институтов государства. А устные источники позволяют обратиться к видению истории глазами очевидцев происходивших событий. Помимо этого, Oral History помогает проследить, как меняется оценка людьми событийного ряда в зависимости от времени и социально-политической ситуации.

Таким образом, обращение к устной истории позволяет исторической науке не только формулировать и исследовать новые проблемы, но и значительно расширяет ее возможности. Особенно при реализации локальных и региональных исследований, в изучении социально-психологических вопросов, личной истории, проблем традиционной культуры и быта.

В этой связи выход в свет в московском издательстве «Ломоносовъ» (данная публикация осуществлена при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.) монографии д.и.н, профессора Вятского государственного университета В.А.Бердинских «Русь крестьянская. Зримый мир русской деревни» не может пройти незамеченным.

Ученый (он, отметим, не является новичком жанра «устной истории») положил в основу исследования воспоминания стариков-крестьян, которые

профессор начал собирать еще в 1980-е гг. Автор подчеркивает, что поколение русского крестьянства, активная деятельность которого пришлась в основном на 1930–1960-е гг., пережило такие бури, которых с избытком хватило бы на несколько веков такого, бескризисного развития. С их уходом исчезает и огромный материк народного бытия. Возможно, именно поэтому их рассказы противоречивы, непоследовательны, но в них чувствуется пульс настоящей жизни и звучит живой русский язык (ладовость, сказочность, поэтичность которого поражает). На основе их воспоминаний исследователь воссоздает подробности сельского быта довоенной и военной эпохи. Перед читателем проходят картины непросто деревенской жизни той поры. Он видит, как русское крестьянство жило и выживало, во что верило, как питалось и одевалось, как работало и воспитывало детей. В.А. Бердинских справедливо отмечает, что людские рассказы, на которых он основывает свое исследование, – «это ценнейший этнографический, исторический, фольклорный источник». Но не только. Ведь они дороги не только фактами. За ними – «связи между людьми и человеческая общность как единое целое, как система» [2, с. 7].

Книга состоит из небольшого введения «Устная история русского крестьянства» и трех разделов: «Жизнь крестьянина», «Воюющая Россия», «Русь глазами Сергея Лобовикова».

Первый – «Жизнь крестьянина» – рассказывает о повседневной жизни русской деревни. Автор анализирует различные аспекты повседневной жизни русского крестьянства – природу, окружавшую крестьянина, правила жизни русской деревни, дом, двор и усадьбу, отношения с односельчанами, речевую среду деревенских жителей. Отдельные разделы посвящены семейным отношениям, пище и одежде крестьян, праздникам и верованиям.

Во втором разделе – «Воюющая Россия» – ученый пытается проследить, как военное лихолетье отразилось на деревенской жизни и сознании крестьян. Он делает любопытный (но вполне обоснованный) вывод о том, что «всемирный подъем в годы войны» стал «последним взлетом духовности» «расколотой и растоптанной культуры» «великой крестьянской цивилизации» [1, с. 171].

Весьма любопытен (хотя, отметим, он несколько «выбивается» из общей концепции работы) третий раздел монографии – «Русь глазами Сергея

Лобовикова». В нем более 100 уникальных фотографий, сделанных выдающимся фотографом С.А. Лобовиковым (1870–1941), на которых запечатлен повседневный быт русских крестьян начала XX в. Сергей Александрович Лобовиков – известный русский фотохудожник, интуитивно осознавший ценность русской крестьянской цивилизации, черпавший вдохновение в мужицкой повседневной жизни. В книге представлены в основном снимки, сделанные им в 1900–1910-х гг. (преимущественно до 1915 г.). По ним мы можем составить представление о традиционной крестьянской жизни, которая существовала на Руси много столетий. С.А. Лобовиков сумел зафиксировать для нас повседневность русского крестьянства фактически в последние годы его существования, еще до «великого перелома» 1920-х гг., что поставил крест на традиционной крестьянской России. И в этом их несомненная ценность.

Выход в свет данной книги, вне всякого сомнения, является событием в отечественной исторической науке. Ведь издание отличается не только актуальностью избранной темы, но и значимостью собранного материала, беспристрастно, языком последних свидетелей, рассказывающего нам об ушедшей в прошлое, со всеми ее достоинствами и недостатками, великой русской крестьянской цивилизации.

Литература

1. *Бердинских В.А.* Проблемы устной истории и русское крестьянство в XX в. // Устная история (Oral History): теория и практика: Материалы Всероссийского научного семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.) / Сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2007. С. 25–27.
2. *Бердинских В.* Русь крестьянская. Зримый мир русской деревни. М.: Ломоносовъ. 2020. 264 с. (Серия «История. География. Этнография»).

*Д.и.н., профессор О.В. Золотарев,
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский
государственный университет
им. Питирима Сорокина»
oleg-zolotarev@mail.ru*